

рекции процесса глобализации и как действие по организации процесса, способного скорректировать глобализацию.

Мы исходим из того, что процесс глобализации управляется западными элитами, для которых Россия является источником ресурсов. При этом необходимо понимать, что Запад неоднороден и, по сути, управляется частью агрессивной транснациональной элиты, приватизировавшей институты государств. В этой связи логично предполагать, что Запад не откажется от попыток их захвата, поскольку ресурсы необходимы ему для выживания. Таким образом, коррекция невозможна.

В рамках политического процесса, не имея возможности определять его развитие, проблематично добиваться собственных целей. На наш взгляд, обращение В. В. Путина к традиционным ценностям нацелено на формирование нового процесса, в котором Россия сможет решать собственные задачи с сильной позиции. В этом смысле слова Президента России следует рассматривать, как действие по инициации, распознаванию и поддержке политических сил, видящих в глобализации угрозу потери идентичности. Учитывая приверженность российской политики идее многополярного мира, уважение к традициям, религиям как основам идентичности, фактор национальной идентичности (по сути, отличия) приобретает интегративный потенциал. Это подтверждает развитие интеграционных процессов в рамках БРИКС, углубление сотрудничества с Китаем, Индией, Ираном, Ираком и Египтом.

УДК [321.01:316.3](470+571)

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ» ДЛЯ ОЦЕНКИ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

К. Ю. Мишин

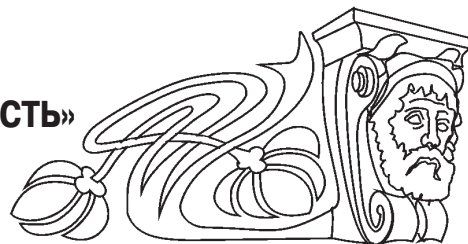
Саратовский государственный университет
E-mail: jediluke@yandex.ru

В статье представлены основные теоретико-методологические подходы к использованию экономической категории «эффективность» для оценки легитимности государственной власти и ее отдельных институтов. Рассмотрена продуктивность и ограниченность возможностей ее применения и сделан вывод о том, что в целях обеспечения объективности анализа данное понятие должно быть выведено из идеологического контекста.

Ключевые слова: эффективность государственной власти, легитимность власти, трактовки понятия «эффективность власти».

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А., Захарова Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов : ИЦ «Наука», 2010.
- 2 См.: Саркози вырвал у Марин Ле Пен первое место на выборах в департаментах Франции («Русская служба RFI», Франция). URL: <http://inosmi.ru/world/20150323/227053040.html#ixzz3pdoghNtr> (дата обращения: 26.10.2015).
- 3 См.: На выборах в Греции победила леворадикальная «Сириза» («Русская служба BBC», Великобритания). URL: <http://inosmi.ru/world/20150126/225824055.html> (дата обращения: 26.10.2015).
- 4 См.: Для обозначения стран-аутсайдеров экономисты придумали новую аббревиатуру – PIGS. URL: <http://newsru.com/finance/15feb2010/pigs.html> (дата обращения: 26.10.2015).
- 5 Большой энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319990> (дата обращения: 26.10.2015).
- 6 Большая пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250> (дата обращения: 26.10.2015).
- 7 Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 26.10.2015).
- 8 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 26.10.2015).

Theoretical Productivity and Restriction Usage of Economical Category «Efficiency» for Assessing Authority Legitimacy

K. Yu. Mishin

The article describes main theoretical and methodological approaches of economic category «efficiency» usage for evaluation of the state authority legitimacy and its individual institutions. The efficiency and its application limitations were examined. We concluded that in order to ensuring objectivity of analysis this term should be removed from ideological context.

Key words: state authority efficiency, legitimacy of state authority, interpretation of the concept of «efficiency of the power».

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-112-116

Одной из актуальных и социально значимых проблем в современной России является понимание эффективности политической власти. Несмотря на повсеместное присутствие данной экономической категории в политическом и научном дискурсе, его смысл и содержание в обозначенном контексте остается противоречивым и размытым. Поэтому представляется важным проанализировать, что именно в экономическом понимании эффективности соответствует общим подходам к изучению свойств политики, на которые ориентирована современная политическая наука, а что с этими политологическими подходами диссонирует¹. Соответственно, появляются основания для формирования научного представления, в каких границах понятие «эффективность» в его экономическом значении обладает методологической ценностью для политических исследований.

Соответствие экономического смысла понятия «эффективность» нуждам политического исследования связано с рядом обстоятельств. В жизни современных государств и обществ политика и экономика тесно переплетены. Лет двести тому назад европейскими и отечественными политическими философами было замечено, что повсеместно и постоянно экономические интересы государств и обществ становятся руководящими для их участия во внутренней и особенно внешней политике. Современные тенденции глобального развития таковы, что происходит усиление обратной связи. Политика начинает руководить решением внутригосударственных и международных экономических проблем. Иногда соображения политической целесообразности настолько довлеют над соображениями экономической выгоды, что происходит нарушение естественной, выведенной еще в прошлые столетия классиками европейской либеральной теории логики рыночных отношений. Например, по мнению А. А. Вилкова, имеет место общемировая тенденция «политизации вопросов продовольственной безопасности в жизни развитых государств современного мира»², которая проявляется в самых различных государственных предпочтениях для своих производителей сельскохозяйственной продукции.

При решении самых что ни на есть экономических проблем соображения экономической целесообразности и приобретения выгоды, как это демонстрирует, например, антироссийская санкционная политика США и стран Евросоюза, уступают место политическим мотивациям, основанным на апелляциях к гуманитарным ценностям, к политической солидарности развитых в экономическом отношении государств перед

лицом вызовов со стороны геополитических конкурентов и т. д. Такая ситуация объективно благоприятствует переносу в экономическую науку теоретических концептов, выработанных политической наукой, а в политическую науку – экономических концептов.

Нередко участие того или иного субъекта в политике, будь то человек или целое государство, прямо имеет своей целью доступ к государственному и общественному материальному богатству, к рычагам распределения и источникам накопления такого богатства. Понятие «эффективность», примененное к определению свойств такого политического участия, достаточно точно будет характеризовать логику мышления и поведения политического субъекта, приобретающего либо утрачивающего материальные блага по ходу своих политических отношений с другими субъектами.

В этом смысле понятие «эффективность» в своем экономическом значении будет операциональным в исследованиях современной внутренней олигархической политики и политики, которую на международной арене проводят государства, управляемые олигархическими элитами. Участие в политике людей и институтов, в руках которых сосредоточен избыточный для их непосредственной экономической деятельности (не задействованный в данный момент и потому выпадающий из текущего рыночного цикла) материальный ресурс, побуждает их этот ресурс резервировать за пределами сферы экономических отношений. Избыточный материальный ресурс прямо инвестируется в неэкономические сферы, в политику в первую очередь.

Расчет в данном случае прост и рационален: даже если не удастся получить прямых прибылей от инвестирования в социальную политику, в этно-культурную жизнь, в правовое лоббирование (а иногда в прямое финансирование международного терроризма), то, по крайней мере, всегда остается возможность наращивать долю прибылей за счет управления неэкономическими рисками для такой деятельности. Сегодня большинство государств включено в процесс получения спекулятивных прибылей на фондовых рынках от возникающих рисков войн, государственных переворотов, «цветных» революций, атак международных террористов, глобального потепления.

Экономический смысл понятия «эффективность» представляет методологическую ценность для исследований внутристрановой региональной политики. Это тот уровень политического процесса, на котором очень часто многие управленческие намерения и действия региональных элит и их лидеров утрачивают политичность и приобретают выраженную экономичность. Не случайным представляется то, что в последнее десятилетие наблюдается устойчивое доминирование «крепких хозяйственников»

в высшем эшелоне региональных российских элит. Их менеджерский стиль поведения в решении региональных проблем служит прямым основанием для заключения, что все их управленческие действия попадают под квалификацию «эффективная/неэффективная политика».

Можно предположить, что не случайно для характеристики свойств региональной российской политики, отношений в ней обществ и элит российские политологи часто употребляют словосочетание «административно-политические процессы», «административно-политические элиты». Термин «административный» в данном случае фиксирует в качестве предмета политологического исследования как раз тот канал, по которому экономические ресурсы и правила экономического менеджмента властными элитами переносятся явочным порядком в политическую сферу³. Это также канал, по которому в политическую сферу переходят правила финансового и производственного менеджмента и находят свое закрепление в региональном законодательстве и в разного рода административных регламентах.

Когда речь идет об исследовании региональных политических процессов, то порой трудно определить с удовлетворительной точностью, где заканчивается экономическое администрирование и начинается политика, особенно демократическая. Потому что деятельность институтов гражданского общества в российских регионах сегодня тоже нередко определяется их инвестиционной привлекательностью для региональных, федеральных и зарубежных олигархов, и публичная политика становится, таким образом, сферой инвестирования олигархических капиталов⁴.

Понятие «эффективность», используемое политической наукой в его экономическом значении, обладает чисто аналитической продуктивностью и в тех случаях, когда политологу требуется верифицировать результаты своей работы, полученные с применением методов политической науки. Речь идет о необходимости и возможности для политолога осуществлять верификацию таких результатов. В большинстве случаев выводы и оценки, к которым приходят политологи, имеют качественный характер, и потому выводы одного исследователя с большим трудом поддаются верификации при попытке их сравнения с выводами другого исследователя. Ярким примером тому являются продолжающиеся в среде отечественных специалистов вот уже более двух десятков лет дискуссии о том, свидетельствует ли текущая российская политика о возрождении в ней начал авторитаризма⁵, либо о том, что реальной становится перспектива появления в России гражданского общества и правового государства демократического типа⁶. Опора исследователя на концепт «эффективность» позволяет соотносить между собой не только практики политические (в разных, например, регионах), но и политические практики с экономи-

ческими, и тем самым проверять объективность своих научных заключений.

Когда ресурсные материальные затраты общества на реализацию политических инициатив государственных и общественных институтов предельно малы или предельно велики, когда в политическом пространстве возникают конфликты между субъектами политики по поводу целесообразности усиления либо сокращения подпитки политической сферы материальным ресурсом, это политическому аналитику служит весомым основанием для постановки вопроса о кризисном состоянии политических процессов – о таком неравновесном состоянии социально-политической системы, при котором она может эволюционировать либо в сторону авторитаризма, либо в сторону демократии. Такая закономерность не имеет жесткого характера, но мировая политическая история представляет много подтверждений тому, что богатеющая политика имеет склонность становится более публичной, демократической и либеральной. Беднеющая политика, напротив, имеет следствием коллапсирование публичной сферы и, соответственно, открывает дорогу росту авторитарных тенденций в отношениях общества и государства.

Демократическое общество в современном мире – это общество, в котором в идеале гражданское политическое участие гармонично подкреплено доступностью для гражданина материальных ресурсов, находящихся в его руках (частная собственность) и в руках общества и государства. Если вдруг готовность и возможности общества вкладывать свои материальные ресурсы в политику снижаются, это может быть опасным симптомом. Общество стремится дистанцироваться от политики, уходит из ее публичной сферы, не доверяет ей как способу решения своих проблем. Публичной политике оно предпочитает политику как администрирование, и именно с администрированием как с контролируемым использованием материальных ресурсов на неконкурентной основе начинает отождествлять «эффективную политику».

С другой стороны, симптомом кризиса может быть и богатеющая политика. Общество ощущает рост своих политических возможностей как отражение возможностей экономических. Когда прогресс политики общество начинает мерить объемами вложенных в нее ресурсов, то у него появляется повышенный запрос к отдаче от таких вложений. Оно требует от государства, чтобы то функционировало по тем же демократическим принципам и основаниям, что и само общество, руководствовалось в своей политической практике, как это имеет место во многих богатых странах Европы, «общечеловеческими ценностями». Общий уровень демократичности политики, безусловно, при этом возрастает, и политика, какие бы мероприятия по расширению прав и свобод граждан и социаль-

ных групп, включая эмигрантов, она ни включала, выглядит по определению «эффективной».

Но происходит это лишь до момента очередного экономического кризиса (который начался в мире в 2008 г. и с откатами продолжается до сих пор), который делает общество и государство существенно беднее, а социальный запрос к демократичности политики и экономики оставляет в массовом сознании на прежнем высоком уровне. Общество, вложившее свои материальные ресурсы в создание «социального государства» как высшего олицетворения своих политических успехов, вдруг обнаруживает, что это государство лишено того главного признака, который делает его собственно государством, – суверенитета во внутренней и внешней политике.

Это все то, что определяет работоспособность категории «эффективность» в политическом исследовании. Точно так же можно выделить и ряд ограничений для такой методологической работоспособности. Начнем с того, что перенос смысла понятия из предметного поля одной науки в предметное поле другой меняет в этом поле его ранжирование. Первый план исследования «эффективной» политики естественным образом начинают занимать проблемы соответствия политических институтов, процедур, принципов неким условным, выведенным из абстрактной политической философии эталонам. Эти эталоны приобретают в методологии современных политических исследований свойство абсолютной истины. Потому что только так исследователь может определить для себя ту нулевую точку, относительно которой вложение одних материальных ресурсов в политику или решение одних экономических проблем средствами политики он может признать «эффективными» (приближение к эталону), а вложение других ресурсов и решение других проблем «неэффективными» (отход от эталона). Но проблема эталонов традиционно актуальна только для политической мысли либеральной направленности. Для политической науки в целом всегда на переднем плане были иные предметы.

Для политической науки традиционно приоритетным предметом была власть – субстанция, в которой доминирует волевое начало. Для обретения и утраты власти фактор материальных ресурсов, конечно, важен, но часто важнее оказывается фактор легитимности этой власти⁷. Современные исследователи преодолевают данное методологическое противоречие тем, что просто отождествляют «легитимность» власти с ее «эффективностью».

Получается, если следовать экономическому смыслу понятия «эффективность», что легитимная власть – это власть, постоянно приобретающая для себя очевидную материальную выгоду (прибыль) от предоставления обществу властно-распорядительных и нормотворческих услуг. Проще говоря, по этой логике, «эффективной»

должна быть признана та власть, которая богатеет за счет общества. Но чаще бывает совсем наоборот. Некогда русский историк В. О. Ключевский объяснил причину великой Смуты XVII столетия как раз тем, что «государство пухло, а народ хирел». Как, впрочем, не может долго сохранять свою легитимность и материально бедствующая власть, чему примером может послужить опыт Парижской Коммуны 1871 г. и политики «военного коммунизма», проводимой большевиками в начальный период существования советской власти. Власть, чтобы быть легитимной, не должна быть ни слишком богатой, ни слишком бедной. Вопрос, однако, в том, что меру этого «слишком» определяют не принципы экономической эффективности, а огромная совокупность факторов, которые в политической политике обозначаются понятием «имидж власти».

Способность аккумулятировать под своим крылом общественные блага позволяет богатым либерально-демократическим государствам в Старом и Новом свете проводить активную социально-благотворительную политику и в ответ получать сочувственное отношение граждан к принципам, на которых основана государственная власть, к ее институтам, властным инициативам и решениям. Именно это обстоятельство привлекает тех отечественных исследователей, которые с готовностью ставят знак равенства между «легитимностью» власти и ее «эффективностью». Из их поля зрения выпадает тот факт, что само по себе богатство не избавляет даже демократическую государственную власть от постоянной озабоченности тем, как она выглядит в глазах подданных и граждан, и от необходимости поступаться своими прибылями (а значит, намеренно снижать свою эффективность) в интересах распределения общества и тем поддерживать в общественном сознании свою легитимность.

Еще одно ограничение имеет стратегический характер и вытекает из свойств современного политического процесса. Современные общества гораздо охотнее вкладываются в политику как способ решения экономических проблем, чем в экономику как способ решения проблем политических. Отсюда возникают несоответствия между высокими заявляемыми целями либерально-демократической политики и концентрацией материальных благ в руках немногих. В результате в современном мире торжествуют принципы либерально-демократической политики, но мир этот поделен на «золотой миллиард» и остаток. Поделен очень резко, как это выявил катастрофический приток эмигрантов из бедных и разоренных гражданскими войнами и иностранными интервенциями стран «третьего мира» в богатую Западную Европу.

Но противодействие этой проблеме, приобретшей общеевропейский характер, происходит по линии все возрастающих экономических затрат на политику в Европе и за ее пределами, а

не на решение тех экономических проблем, которые провоцируют новое «великое переселение народов». В этой ситуации современный политический процесс теряет ту единую внутреннюю логику, которая позволяла бы специалистам при его исследовании наполнять категорию «эффективность» единым смыслом, необходимым для объективного научного исследования.

Еще одно ограничение вытекает из идеологической (по факту включенности его в идеологический дискурс нынешней российской модернизационной политики) сущности требования к власти быть «эффективной». Идеологемы сами по себе являются ограничивающим фактором для развития научной теории, вводят ее развитие в рамки политических интересов, конфликтов и ресурсов. Дело, однако, не только в этом. Отечественные теоретики не принимают, как правило, во внимание того обстоятельства, что включение идеологемы в состав методологии политологического, экономического, философского либо правового исследования существенно меняет саму структуру такой методологии.

Исследователи требуют от власти «эффективности», имея в виду лишь то, что в перспективе властные институты и их действия должны стать иными, более соответствующими представлениям общества о правовом государстве и гражданском самоуправлении. Речь идет именно о перспективе, а не о сегодняшнем либо вчерашнем состоянии отношений между государством и обществом.

Между тем любая идеология (а также ее элементы – идеологемы) представляет собой политический проект, который кроме контуров будущего состояния общественно-политической жизни включает в себя и контуры перемен в настоящем состоянии государства и общества, а также указания по пересмотру представлений о прошлом социально-политической системы и оценок этого прошлого.

Для научной методологии исследования властных отношений и институтов включение в нее идеологемы «эффективность» означает, что исследователю необходимо каким-то образом оценить и «эффективность» в прошлом и ныне действующих институтов и отношений. По отношению к этой оценке состояния власти как «эффективного», «неэффективного», «не так как надо эффективного» исследователь может наметить показатели, которые характеризуют «эффективность» власти в будущем. Очевидно при этом, что в отношении настоящего и прошлого речь будет идти уже об ином смысле «эффективности», не имеющем даже условно связи с экономическим смыслом этого понятия.

Если речь идет о власти, а не о чем-то другом, то наличие либо отсутствие в политическом процессе властных институтов и властной воли

опознается по конечному результату – были или нет решены те задачи, для решения которых нужна политическая и административная власть. Если не решены, то, следовательно, нет и власти как предмета исследования. Если решены, то рассуждать о балансе затрат ресурсов и полученной обществом и властью политической и иной прибыли не имеет смысла. Это будет прямо противоречить требованию объективности научной оценки.

Объективность требует от исследователя принимать во внимание, в первую очередь, конечный практический результат действий властных институтов, конечные состояния властных отношений и по этим фактам судить о том, состоялась ли власть как власть либо нет, удовлетворила она интересы развития общества и государства либо нет.

Методология политологического исследования в данном случае утрачивает внутреннее единство логики: применительно к будущим состояниям власти политолог будет рассуждать об ее «эффективности», имея в виду экономическую эффективность, а при подкреплении своих рассуждений о будущем власти анализом прошлых и нынешних состояний этой власти исходить преимущественно из отождествления «эффективности» власти с ее «результативностью». Вместо сведения методологии к единому пониманию смысла «эффективности», пусть даже экономическому, у исследователя будет возникать большое разнообразие смыслов этого понятия, логически не связанных между собой.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А., Шестов Н.* Политическая субъектность региональных социумов и элит // *Власть.* 2014. № 7. С. 186–191.
- 2 *Вилков А. А.* Политические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в России в современном обществоведении // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2014. Т. 14, вып. 4. С. 60.
- 3 См.: *Власть, общество и бизнес в регионе : перспективы эффективного взаимодействия / под ред. Г. Н. Комковой.* Саратов : Саратовский источник, 2012.
- 4 См.: *Агалин Д. С. [и др.].* Государство и гражданское общество в России : новые практики взаимодействия. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013.
- 5 См.: *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа : эффект колеи (опыт институционального анализа экономического развития). Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
- 6 См.: *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 7 См.: *Шмитт К.* Легальность и легитимность // *Социологическое обозрение.* 2013. Т. 12, № 3. С. 76–92.